

УДК 94(47).084.8 + 316.351 + 32.019.51
Д-74

Дриленко Владислав Владимирович

старший научный сотрудник историко-этнографического отдела Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова
vdrilenko@yandex.ru

Молодежь Хабаровского края и власть в период «оттепели» 1953–1964 гг.

Аннотация:

Статья посвящена переменам в государственной молодежной политике Советского государства в период «Оттепели» 1953–1964 гг. и их влиянию на молодежный социум Хабаровского края. Автор сопоставляет общесоюзные и региональные тенденции взаимодействия власти и молодого поколения. Основу источниковой базы исследования составляют архивные материалы РГАНИ, РГАСПИ, ГАХК и ХККМ, а также опубликованные официальные документы и пресса.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, молодежь, ВЛКСМ, демократизация, разномыслие, оппозиционность, хозяйственные и политические кампании, комсомольско-молодежные объекты.

Период политической «оттепели» 1953–1964 гг. принес в жизнь всех слоев населения Советского Союза немалые перемены. Seriously изменилось и место в обществе такой социально-демографической группы как молодежь. Да и сама она в середине 50-х – первой половины 60-х стала весьма непохожей на предшествующие советские поколения.

Однако признание этого факта в Отечественной науке состоялось далеко не сразу. Советская доперестроечная историография, хотя и говорила о таких новых чертах молодежи «послесталинского» периода как большая общественная активность и самостоятельность [1, т. 2, с. 339], но полностью отрицала саму возможность существенных различий между советскими поколениями. Поэтому впервые положения об утрате советскими молодыми людьми «оттепельного» периода тоталитарного единомыслия появились в эмигрантских изданиях [2]. Сама постановка «поколенческого» вопроса в СССР однозначно классифицировалась как не отражающая реалий социалистического общества [3, с. 5]. И лишь в публикациях рубежа 1980 – 90-х гг. прошлого века исследователи, историки и социологи, убедительно показали несостоятельность положений о монолитности общественного сознания молодежи, об отсутствии противоречий между ней и властью.

Впервые это было отмечено в опубликованных в перестроечный период воспоминаниях руководителей комсомола того времени [4]. И еще до распада СССР и роспуска ВЛКСМ новые подходы были отражены в «больших», обобщающих работах [5]. В первой половине 1990-х гг. были предприняты первые попытки анализа оппозиционных настроений и деятельности среди молодежи «хрущевской» эпохи, а также репрессивной политики власти в отношении них [6, с. 97]. Позднее на материалах первых социологических исследований, архивных материалов были проведены комплексные исследования социального облика молодого поколения 1950 – 60-х гг. [7].

Исследователи пришли к однозначному выводу о формировании целого спектра мнений о сущности советского строя, «развернутом строительстве

коммунизма», «культе личности и его последствиях» и других вопросах. В новейшей историографии прочно утвердилось положение о том, что в 1950-х – нач. 60-х гг. в молодежном социуме помимо горячих сторонников курса партии и правительства, с энтузиазмом принимающих участие в разного рода хозяйственных и политических кампаниях, росло (и составляло немалый процент) число людей, далеких от пафоса социалистического строительства. Также именно в этот период появились группы молодежи, полностью отвергающие «реальный социализм», и в их среде вызревали подлинно оппозиционные силы [8]. Однако региональные аспекты этих перемен освещены все еще не полно, что негативно сказывается и на понимании системы взаимоотношений власти и молодежи в целом. Данная статья и имеет своей задачей в какой-то мере заполнить этот пробел.

Перемены в Хабаровском крае, как и по всей стране, начались сразу после 5 марта 1953 г., когда молодое поколение впервые столкнулось с проблемой самоопределения в связи с утратой единственного непререкаемого авторитета. Подавляющее его большинство тогда испытало искреннюю горечь о смерти вождя. Пресса, в особенности молодежная, была засыпана письмами в редакцию, сотнями наивных стихов с клятвами о верности делу Сталина и партии [9, с. 380]. Был отмечен резкий рост числа поданных заявлений о вступлении в партию и комсомол [10].

Верхний слой правящего аппарата в подобных условиях был вынужден сохранять видимость преемственности прежнему курсу, маскировать все перемены во внутренней политике, в том числе и молодежной, под дальнейшее проведение прежней линии. Выступления вождя продолжали цитироваться на официальных комсомольских мероприятиях, его портреты висели в учебных заведениях, клубах и домах культуры и годы спустя [11, л. 15], биография Сталина также продолжала изучаться молодежью [12, л. 35].

Но уже с лета 1953 г. становилось все более отчетливым стремление руководства страны пересмотреть традиционные взгляды на роль, которая была отведена молодежи в обществе. Так, после ареста Л.П. Берия и его помощников на июньском Пленуме ЦК КПСС были одобрены мероприятия, направленные на развитие демократии в деятельности партии и общественных организаций, таких как комсомол [13, с. 40]. На прошедших позднее пленумах комсомольских организаций Хабаровского края были приняты постановления о прекращении практики нерегулярности комсомольских мероприятий, единоличного принятия решений секретарями организаций и т.п. [14, л. 62]. Более того, в условиях криминогенной ситуации, сложившейся в регионе после амнистии 1953 г., руководство местных комсомольских организаций призвало молодежь помочь органам милиции в наведении порядка на улицах городов и поселков. Например, в Камчатской области (входившей до 1957 г. в Хабаровский край) этот призыв прозвучал еще в июне 1953 г. [15, л. 76], в то время как постановление ЦК ВЛКСМ об участии молодежи в этом деле было принято год спустя [16, с. 3].

Прошедший в марте 1954 г. XII съезд ВЛКСМ закрепил тенденции демократизации внутри союза, повышения роли комсомольских ячеек в организации труда и быта молодых людей. Демократических изменений центр настойчиво требовал и от регионов. Так, в главной молодежной газете страны «Комсомольской правде» еще 13 октября 1953 г. была опубликована резко критическая статья об особенностях деятельности хабаровских комсомольских организаций, в которых распространялась практика кооптации членом комсомольских комитетов, нарушений в ходе отчетно-выборных мероприятий и т.п. [17].

Эти новые подходы были восприняты молодежью региона с неподдельным энтузиазмом. Ярким свидетельством тому был внушительный

рост активности молодого поколения в общественной и хозяйственной сферах жизни, например, энергичное его участие в охране общественного порядка и борьбе с возросшей преступностью. Широко разворачивалось движение инициативных групп, комсомольских патрулей, оперативных групп по наведению общественного порядка, «бригад содействия милиции», совершавших рейды по улицам и местам отдыха, проводящих «товарищеские мероприятия» с возвращающимися из мест лишения свободы и т.д. К 1956 г. более 30 тыс. юношей и девушек принимали участие в таких мероприятиях на постоянной или временной основе [18, л. 130]. А с весны 1954 г. молодежь края поехала на освоение целины, расположенной главным образом в Еврейской Автономии, где было создано 5 целинных совхозов. Причем их создание, производство строительных работ, переселение и трудоустройство находились в ведении организаций ВЛКСМ разного уровня [19, с. 135].

Однако многолетние традиции командного руководства молодежью и ограниченность первых демократических подвижек еще мешали высвобождению инициативы молодого поколения. Идеи вышеупомянутых и других, таких как проведение в крае молодежных праздников в 1955 г., кампаний и мероприятий «рождались» в недрах комсомольского или стоящего над ним партийного аппарата в качестве «адаптации» инициатив «центра» к местным условиям или попыток самостоятельно решить региональные проблемы. В тех условиях это уже был шаг вперед по сравнению со сталинским временем. Но все же подлинный взрыв инициативы и энтузиазма произошел в крае лишь после радикальных перемен, обозначенных XX съездом КПСС. В особенности после знакомства молодежи с положениями «секретного доклада», озвученного на нем.

Текст его был заслушан первоначально в комсомольских ячейках в марте 1956 г., а затем на пленумах комсомольских организаций края в апреле была оглашена официальная позиция по вопросу о культе личности и его последствиях.

Судя по воспоминаниям современников, первоначальную ситуацию в умах хабаровской молодежи после получения такой информации можно охарактеризовать такими словами, как недоумение и растерянность [20, с. 24]. В то же время в ходе ознакомления ее с положениями доклада никаких эксцессов не было отмечено. Однако некоторое время спустя в молодежной среде получили широкое распространение негативные, с точки зрения властей, явления. «Среди молодежи появилось много неправильных толкований проводимой КПСС критики культа личности и его последствий», – резюмировал, например, Пленум бакинского горкома ВЛКСМ в марте 1957 г. Появились среди молодежи и сомневающиеся в верности обвинений Сталина в преступлениях недавнего прошлого и выступающие против всего с ним связанного [21, л. 2]. Во многих районах края были отмечены случаи «демагогических выпадов», «неправильного понимания внешней и внутренней обстановки» [22, л. 25]. Заканчивались они изгнанием из комсомола и/или работы/учебы. Например, в 1957 г. из Хабаровского педагогического института был изгнан студент Овсеенко [23, л. 11], в Комсомольском-на-Амуре педагогическом институте был исключен из комсомола студент Киевский [24, л. 200], исключен из комсомола и уволен с работы учитель Гречук из средней школы поселка Чегдомын [25, л. 41] и др. Если дело доходило до реальной пропаганды, организации оппозиционных групп, то имели место и приговоры суда. В 1958 г. за создание подпольной «антисоветской» организации, были осуждены электросварщик Кобляев и заместитель начальника геологической партии Кравко [26, с. 334]. Тогда же получил срок и камчатский моряк Семенов, писавший «клеветнические» рассказы и читавший их своим знакомым [26, с. 285].

Но все же оппозиционная деятельность и скрупулезное переосмысление действительности были уделом единиц. Значительная часть молодежи, даже усомнившись в верности курса партии, в силу невысокой политической культуры, образовательного уровня или боязни репрессии была далека от противодействия властям. Но на почве утраты веры в авторитеты в молодежной среде ширились различные слухи, отражающие нигилистическое отношение к прошлому страны (например, о руководителе «Молодой гвардии» О. Кошевом, который якобы выжил и служит американскому империализму) [27, л. 34]. Получили, как это отмечал крайком ВЛКСМ, более широкое распространение и такие «вредные» явления, как стилизм, прослушивание западных радиостанций. Тем более что количество антисоветских радиостанций, охватывающих своим вещанием Дальний Восток, за период «славного десятилетия» возросло в разы [28, л. 25].

Подобные факты болезненно воспринимались в комсомольских органах – ответственных за состояние в молодежной среде. Но, опираясь на постановления ЦК ВЛКСМ «О задачах комсомольских организаций в связи с решениями XX съезда КПСС» (апрель 1956 г.) [29, с. 50–65] и «Об улучшении идейно-воспитательной работы комсомольских организаций среди комсомольцев и молодежи» (февраль 1957 г.) [29, с. 87–89], они, преодолев растерянность, вернулись на «позиции непримиримости к чуждой идеологии». Например, в резолюции III пленума Обкома ВЛКСМ ЕАО, состоявшегося в конце апреля 1956 г., значилось: «Усилить контроль за качеством и идейным содержанием политических информационных, проводимых студентами, за выпуском стенных газет» и т.д. [30, л. 117]. В антисталинский курс было внесено множество оговорок. Так, на комсомольской конференции в городе Советская Гавань 1-й секретарь горкома заявлял о том, что нельзя отделять сталинизм от ленинизма, что никто после Ленина не сделал для развития марксизма больше чем Сталин [31, л. 7].

Но сомнение, родившееся в молодых умах, уже нельзя было уничтожить только репрессиями и оговорками «с одной стороны, с другой стороны». Тем более что к репрессиям уже относились с недоверием и «в верхах». «Сейчас допускается кое-где грубое администрирование в воспитательной работе <...>, начинают приклеивать ярлыки, вышибать из комсомола. Студенту 18 лет, – какой же это антисоветский элемент?» – говорил по этому поводу 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепин [32, л. 89]. Фрондирующим настроениям комсомольские органы были вынуждены противостоять новыми методами – перестройкой пропаганды в соответствии с новыми реалиями. Согласно с решениями того же V Пленума ЦК ВЛКСМ, Хабаровский крайком ВЛКСМ в мае 1956 г. призывал штатных агитаторов значительно разнообразить свою работу [33, л. 31]. В практику вошли молодежные диспуты, а краткие информации и сообщения потеснили длинные скучные лекции. В сети комсомольского просвещения появились новые кружки, в том числе с молодежной проблематикой. Уже в 1956/57 учебном году количество таких равнялось 40, а к 1962 г. оно достигло 179 [34, л. 5]. Пропаганде была поставлена задача: преодолеть практику работы лишь с членами ВЛКСМ, расширить агитацию среди несоюзной молодежи.

Власть была вынуждена чутче прислушиваться к запросам молодежи, предоставить ей возможность самостоятельно решать многие проблемы быта, учебы, хозяйственной деятельности. Так было с проведением краевых этапов Всесоюзного молодежного фестиваля в 1956–1957 гг. Оно находилось исключительно в ведении комсомольских организаций. Партийные и государственные органы края вели лишь разъяснительную работу с населением и финансировали проведение мероприятий [35, л. 131].

Но разбуженная инициатива молодых не могла оставаться в строго отведенных ей рамках. Молодежь стремилась самостоятельно решать многие

вопросы, а местная власть зачастую не поспевала за ней. Например, знаменитое на весь Дальний Восток строительство комсомольско-молодежного объекта – рудника и поселка Солнечный – началось с обращений группы молодых рабочих и специалистов поселка Хинганск к руководству хабаровского совнархоза. Не найдя поддержки у него и у краевых комсомольских органов, инженер Цевелев от имени своего коллектива обратился с такой просьбой в конце 1957 г. к первому секретарю ВЛКСМ Шелепину. И уже после получения письма из ЦК крайком комсомола добился того, чтобы эта стройка все же стала комсомольско-молодежной [36, л. 24–27]. Уже в июле 1958 г. 900 молодых людей края по комсомольским путевкам отправились на строительство.

Немалый энтузиазм проявила молодежь и в прославленном «движении коммунистического труда». Уже в декабре 1958 г. из 100 вступивших в соревнование коллективов более 70 было комсомольско-молодежными [37, л. 251–252]. Местное руководство приложило немало сил к возможно большему распространению этого движения. И к середине 1960 г. количество бригад, участвующих в соревновании, равнялось 1 680 в промышленности и сельском хозяйстве, то есть более 60 % от всех молодежных коллективов [38, л. 9]. Активное участие принимало большинство юношей и девушек края в рационализаторском, «гагановском» движениях, организовывало штабы «комсомольского прожектора» и т.д. Хабаровская молодежь сама стала зачинательницей патриотических трудовых движений. Например, походов комсомольцев – школьников и пионеров за сбором грибов и дикоросов [39, с. 266] и организации студенческих и рабочих путинных отрядов – предшественников Студенческих Строительных отрядов в крае [40, л. 66].

Однако за внушительным ростом числа комсомольских строек и массовости кампаний становились все более заметными и многие оборотные их стороны. В том числе стремление руководства «выехать» на энтузиазме масс, поверхностность многих изменений в обществе, выдаваемых за «зримые черты коммунизма», отсутствие этих черт в отношении ряда руководителей к «рядовому строителю коммунизма»...

Организация, например, краевого конкурса рационализаторов сводилась к призывам внедрять новшества и сбору статистических данных от технических отделов предприятий. Невыполнение повышенных «социалистических обязательств» при выполнении производственных заданий зачастую просто оставалось без внимания. Руководству важен был не подлинный качественный рост труда молодых патриотов, а арифметическое превосходство более поздних показателей над более ранними, видимое в отчете вышестоящих инстанций. Нельзя сказать, что подобные факты нигде не упоминались. Напротив! Вопросы бюрократизма поднимались даже на уровне Пленумов крайкома ВЛКСМ [41, л. 26–29]. Но глубоких изменений не происходило прежде всего потому, что вся бюрократическая система собственно и была построена на подобных отчетах. В итоге одновременно с бурным ростом числа участников движений «за коммунистический труд», комсомольского контроля («Отряды «легкой кавалерии» и «Комсомольского прожектора») плохо росли уровень механизации труда и качество изготавливаемой продукции. Тем более что эти контрольные органы имели, прежде всего, возможность сигнализировать о недостатках, но не эффективно бороться с ними. С возрастанием роли молодежи в строительстве росла и роль всевозможных комсомольских комитетов и, в конечном счете, секретарей комсомольских организаций. Они, будучи практически неподконтрольными рядовым членам, занятыми обсуждениями «больших» вопросов с руководством предприятий, отрывались от нужд молодежи, переставали выражать ее интересы. Показательна судьба двух первых секретарей хабаровской комсомолки. Н.В. Михайлюк был неоднократно уличен в

пьянстве и сексуальных домогательствах к женщинам, за что с большим скандалом был снят с должности в мае 1961 г. [42, л. 14], а его преемник А.М. Кусков отставлен в январе 1965 г. с формулировкой «за неправильное поведение и нарушение финансовой дисциплины» [43, л. 2].

Подобные примеры, а также ухудшение качества жизни, в частности перебои с поставками самых важных продуктов питания в начале 60-х гг., на фоне засилья лозунгов о строительстве коммунизма объективно вели к общему снижению энтузиазма среди молодежи. Заметно возросло количество молодых рабочих, систематически не выполняющих нормы выработки, количество мелких преступлений также имело тенденцию к росту [44, л. 18]. А с ростом информированности о жизни в других странах через еще плохо заглушаемые радиоголоса «оттуда», через посещающих край иностранцев (к примеру, в 1962–1963 гг. Хабаровский край посетило уже 3 200 интуристов [45, л. 134]) и растущее число поездок самих молодых людей за рубеж заметно таяло позитивное восприятие молодежью инициатив власти. Прimitивная пропаганда достижений социализма и ужасов капитализма лишь подливала масло в огонь. В итоге «крамольные» настроения, несколько поутихшие в 1959–1961 гг., вновь начали проявляться.

Мультиплицируемая в средствах массовой информации свобода обсуждений общественных недостатков и открытая после XXII съезда КПСС критика сталинизма привели к тому, что некоторые молодые люди пытались прямо выражать свое недоверие к коммунистическим лозунгам. Имела место не только критика «деформаций социализма» с марксистских позиций, но и полное его отрицание. Чаще всего такое встречалось в институтах, где дискуссии на заданную тему, организованные комсомольскими организациями, выходили за указанные рамки. Например, студенты Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта Коровин и Лобок неоднократно заявляли о невозможности построения коммунизма [46, л. 135]. Изначально руководство институтов и институтских комсомольских организаций не вмешивалось в эти дискуссии, но после резко негативной оценки пассивного отношения к подобным «явлениям», прозвучавшей из уст самого Первого секретаря ЦК ВЛКСМ С.П. Павлова на Пленуме Хабаровского крайкома 11 октября 1962 г., ситуация изменилась кардинально. Комитетам ВЛКСМ было четко указано «не давать охаивать нашу Родину, Партию и прекрасную действительность». Но общественное порицание не останавливало многих молодых людей, которые, не утратив веры в возможность изменить жизнь к лучшему, обращались с письмами в редакции местных и центральных изданий, руководству партии и комсомола, пытаясь донести до них правду жизни [47, л. 25]. Другие писали о неприятии шумных кампаний, нежелании соответствовать образу «молодого строителя коммунизма». Даже на страницах главной комсомольской газеты края – «Молодой Дальневосточник» – возникали дискуссии по этому поводу [48].

В начале 1960-х гг. имел место рост оппозиционных настроений в стране в целом. В 1962 г., согласно записке главы КГБ в ЦК КПСС, было вскрыто 60 локальных антисоветских групп, в которые входило 215 человек, причем большинство из них составляли молодые люди [49, л. 3]. В том же году в г. Комсомольск-на-Амуре возник «Союз нанайской молодежи», созданный молодыми нанайцами, проживавшими в городе и его окрестностях, для защиты интересов представителей коренной народности. Сам факт создания на учредительном (хоть и единственном) съезде, на котором присутствовало 25 человек, такого рода организации с продуманной структурой и членскими взносами говорит о многом [50, л. 159]. О многом и, прежде всего, об отмирании коммунистических иллюзий также говорит распространение в городах стиляжничества и аполитичности среди молодежи, появление первых попыток

бежать из страны и достать западные вещи через туристов или моряков, бывающих за рубежом [50, л. 157].

Аналогичные факты и явления указывают на то, что и в среде хабаровской молодежи зрели противоречия с властью, согласившейся на демократизацию молодежной политики, предоставление молодежи большего пространства для самостоятельности, но не допускавшей никакого разномыслия.

Разбуженные в 1950-х гг. инициатива, самостоятельность и свободомыслие привели не только к росту энтузиазма в выполнении задач «социалистического и коммунистического строительства», указанных властью. Молодежь региона сама выступала в качестве инициатора трудовых и общественных починов. В то же время демократизация внутрикомсомольской жизни, появление молодежныхстроек и органов контроля производственных процессов не привели к качественным изменениям самой бюрократической системы власти. Однако организованная властью критика культа личности и его проявлений в прошлом, показавшая то, что она может быть неправой, вызвала широкое «брожение» в молодых умах. Усиленное внедрение идеологемы о скором построении коммунизма, а также масштабные позитивные изменения в крае на время притормозили распространение критических настроений. Но в начале 1960-х гг. они вновь усилились. В итоге к концу «оттепели» в Хабаровском крае сложился целый спектр вариантов отношения молодежи к власти. От полного приятия всех ее инициатив, через нейтрально-спокойное к ним отношение и неосознанное отторжение, до осознанной оппозиционности. Во многом этот процесс повторял общесоюзные тенденции, но протекал несколько медленнее, чем в крупнейших научных и культурных центрах. Однако процесс разложения тотального единообразия мышления и коммунистических иллюзий начался и сделал первые успехи. В чем, на наш взгляд, был основной итог «оттепели» для молодежи Хабаровского края.

Ссылки:

1. *Славный путь ленинского комсомола*. М., 1974. Т. 2.
2. *Молодежь Советского Союза № 38–39 (166–167)*. XIV Конференция Института по изучению СССР (Мюнхен, 5–6 ноября 1962 г.). Мюнхен, 1962.
3. *Еремин Ю.В. Юношеский изоляционизм – оружие антикоммунизма*. М., 1976.
4. *Месяцев Н.Н. Пробуждение (Комсомол второй половины 50-х гг.) // Позывные истории*. М., 1999. Вып. 9.
5. *Очерки истории ВЛКСМ (В поисках истины)*. В 2-х ч. Саратов, Ч. 2. 1991.
6. *Соколов В.И. Молодежное движение в России: история, современность, перспективы и проблемы*. Рязань, 1994. Ч. 2.
7. *Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева*. М., 2001.
8. *Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР 1940–1960-е гг.* М., 2008.
9. ХККМ. КП 5636-20
10. *Молодой Дальневосточник*. 1953. 22 марта. № 58 (3909).
11. РГАНИ Ф. 5. Оп. 37. Д. 97.
12. ГАХК Ф. 617. Оп. 6. Д. 46.
13. *Очерки истории ВЛКСМ (В поисках истины)*. М., 1958.
14. ГАХК Ф. 617. Оп. 6. Д. 4.
15. ГАХК Ф. 617. Оп. 6. Д. 44.
16. *Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (принятых после XII съезда ВЛКСМ)*. М., 1958.
17. *Комсомольская правда*. 1953. 13 октября.

18. ГАХК Ф. 35. Оп. 71. Д. 51.
19. Дриленко В.В. Привлечение молодежи к решению вопросов хозяйственного освоения территории Хабаровского края в 1953–1958 гг. В кн. VI Гродековские чтения. Межрегиональная научно-практическая конференция. Хабаровск, Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова. Т. 2. с. 134–138.
20. Материалы краевой научно-практической конференции «Комсомол и молодежь. История, современность, традиции». Хабаровск, 1999.
21. ГАХК Ф. 536. Оп. 1. Д. 109.
22. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 9.
23. ГАХК Ф. 529. Оп. 1. Д. 123.
24. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 21.
25. ГАХК Ф. 727. Оп. 1. Д. 88.
26. Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / сост. В.А. Козлов, О.В. Эдельман, Э.Ю. Завадская. М., 2005.
27. ГАХК Ф. 727. Оп. 1. Д. 85.
28. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 9.
29. Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (принятых после XII съезда ВЛКСМ). М., 1958.
30. ГАХК Ф. 617. Оп. 6. Д. 112.
31. ГАХК Ф. 1242. Оп. 1. Д. 47.
32. РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 2. Д. 357.
33. ГАХК Ф. 617. Оп. 6. Д. 104.
34. ГАХК Ф. 617. Оп. 6. Д. 138.
35. ГАХК Ф. 35. Оп. 71. Д. 89.
36. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 16.
37. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 4.
38. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 69.
39. Хабаровский комсомол в документах и иллюстрациях. Хабаровск, 1978.
40. РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 5. Д. 987.
41. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 119.
42. РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 3. Д. 1052.
43. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 134.
44. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 117.
45. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 119.
46. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 117.
47. Молодой Дальневосточник. 1964. 4 января. № 3 (6373).
48. РГАНИ Ф. 89. Оп. 6. Д. 21.
49. ГАХК Ф. 617. Оп. 8. Д. 119.
- 50.